

ТИИТ-РЕЙН ВИИТСО (Тарту)

О НЕКОТОРЫХ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВИЛАХ И ПРАФИННО-УГОРСКИХ ИМЕННЫХ *e-ОСНОВАХ*

В основе настоящего изложения лежат полученные в иных связях результаты, касающиеся прежде всего фонологии эстонского языка (Viitso 1971, 1972б). Так как они имеют значение не только для эстонского и прибалтийско-финского языкознания, ниже, во-первых, кратко резюмируются эти результаты и, во-вторых, указывается на связанные, вероятно, с ними проблемы в других финно-угорских языках.

1. Предполагаемый в традиционной исторической фонетике прибалтийско-финских языков переход $*ti > si$, в той мере как он отражен в грамматике современного финского языка, можно сформулировать при помощи следующих двух правил¹ (Anttila 1969: 17; 1972: 114, 224; Campbell 1971: 196):

$$(1) \quad e \rightarrow i / - \left\{ \# \right\}$$

(т. е. *e* переходит в *i* в окружении перед словоразделом (#) и т. д. Ниже рассматривается этот переход только непосредственно перед словоразделом, так как тогда имеется дело с чистой основой, точнее

* Текст доклада, прочитанного на XIV Всесоюзной конференции финно-угроведов в сентябре 1972 г. (Саранск), с некоторыми дополнениями.

¹ Здесь принят наиболее распространенный способ обозначения правил подстановки (ср. Halle 1962): все правила имеют в общем случае форму

$$A \rightarrow B/X - Y, \\ Z$$

где *A*, *B*, *X*, *Y*, *Z* — либо символы определенного алфавита (напр., фонемы, аллофоны, дифференциальные признаки и т. д.), либо пустые; $\rightarrow$ читается как 'подставляется через', 'переписывается как', 'переходит в'; / читается как 'в окружении'. Символ влево от стрелки — вход, между стрелкой и косой чертой — выход правила, а выражение вправо от косой черты — условие (или контекст) для данного правила. Принято также, что правило состоит из структурного анализа и структурного изменения, причем структурным изменением служит выход, а структурным анализом — остальные части правила. В условии *X* и *Y* соответственно — символы, предшествующий входному и следующий за ним, *Z* — символ, симультанный (одновременный) с входным, причем позицию входного символа обозначает —. В дальнейшем изложении все пустые символы опускаются. Кроме того, правило, имеющее форму

$$A \rightarrow B / \left\{ \begin{matrix} W_1 \\ \dots \\ W_n \end{matrix} \right\},$$

где *W* — любое условие, удовлетворяющее это соглашение, является сокращением последовательности правил

$$A \rightarrow B / W_1$$

$$A \rightarrow B / W_n$$

корнем; все остальные случаи перехода связаны с последующими суффиксами, поверхностные формы которых начинаются с *i*).

(2) $t \rightarrow s / -i$, где $i|e \rightarrow i$

(т. е. *t* переходит в *s* в окружении перед *i*, где *i* такая, что *e* перешла в *i*).²

В качестве примера действия правил (1) и (2) ср. трансформации исходных форм (корней) /*vere*/ 'кровь' и /*käte*/ 'рука':

исходная форма	<i>vere</i>	<i>käte</i>
правило (1)	<i>veri</i>	<i>käti</i>
правило (2)	—	<i>käsi</i>

Во всех диалектах эстонского языка, согласно традиционным представлениям, переход $ti > si$, т. е. правило (2) вместе с обязательно предшествующим ему правилом (1), появляется в номинативе слов, характерный тип склонения которых можно проиллюстрировать следующим примером³:

(4)		номинатив	партитив	генитив
	'рука'	<i>käsi</i>	<i>kätt</i>	<i>käe</i>
	'правда'	<i>tõsi</i>	<i>tõtt</i>	<i>tõe</i>
	'вода'	<i>vesi</i>	<i>vet</i>	<i>vee</i>
	'волк'	<i>susi</i>	<i>sutt</i>	<i>soe</i>

Однако в эстонском языке имеются и некоторые *e*-основы без точных соответствий в других прибалтийско-финских языках, где правила (1) и (2) не действительны:

(5)		номинатив	партитив	генитив
	'сестра'	<i>õte</i>	<i>õte</i>	<i>õe</i>
	'истина'	<i>tõte</i>	<i>tõte</i>	<i>tõe</i>
	'ткань, уток'	<i>kute</i>	<i>kute</i>	<i>ko</i>

Кроме того, имеются и *i*-основы, например:

(6)		номинатив	партитив	генитив
	'тетя'	<i>täti</i>	<i>täti</i>	<i>täti</i>
	'щекотка'	<i>kõti</i>	<i>kõti</i>	<i>kõti</i>
	'крошево, тюря'	<i>puti</i>	<i>puti</i>	<i>puti</i>

Существование *i*-основ показывает, что основы группы (4) не могут быть интерпретированы в эстонском языке как *i*-основы. (В других прибалтийско-финских языках из-за отсутствия основ типа (5) проблема интерпретации даже не возникает).

² В условии правила (2) выражение «где $i|e \rightarrow i$ » не свойственно применяемому здесь формализму. Одна возможная формализация применяется у Кэмпбелла (Campbell 1971: 196). Принципиальное рассуждение о возможностях формализации таких в определенном смысле исключительных случаев дано Брейзингтоном (Brasington 1972). Однако, как выясняется ниже, нет необходимости в безупречной формализации правила (2).

³ Все эстонские примеры даны в фонологической транскрипции. Фонемы эстонского языка /*p t t̥ k s š š̄ h m n ñ l l̥ r v j ü u i õ o e õ ä a*/, где /*õ*/ = [e]. Кроме того, эстонскому языку свойствен слоговой акцент, обозначаемый /' / в начале соответствующего длинного слога (т. е. слога, не оканчивающегося на одну гласную) и отличающий ударные длинные слоги с напряженной рифмой от таких же с ненапряженной. Отметим, что слог в эстонском языке состоит из начала (начальных согласных), рифмы, которая в свою очередь может состоять из вершины (гласных) и конца (конечных согласных), и, как уже сказано, слогового акцента.

Кроме основ группы (4), в ряде эстонских диалектов, в том числе и в литературном языке, имеется еще одна группа слов, в номинативе которых, по традиционному убеждению, наблюдается смягчение альвеолярных согласных, возникшее вследствие регрессивной ассимиляции *i* второго слога, причем *i* происходит из *e* по правилу (1):

(7)		номинатив	партитив	генитив
	'колено'	<i>põlv</i>	<i>põlve</i>	<i>põlve</i>
	'узел'	<i>sõlm</i>	<i>sõlme</i>	<i>sõlme</i>
	'стебель'	<i>putk</i>	<i>putke</i>	<i>putke</i>

Между прочим, конечная *i* в номинативе соответствующих *e*-основ действительно наблюдается, например, в водском и финском языках. Но интересно то, что наряду с основами группы (7) существуют в эстонском и некоторые *e*-основы, в номинативе которых смягчения нет:

(8)		номинатив	партитив	генитив
	'три'	<i>kolm</i>	<i>kolme</i>	<i>kolme</i>
	'мгновение, миг'	<i>hetk</i>	<i>hetke</i>	<i>hetke</i>
	'путешествие'	<i>retk</i>	<i>retke</i>	<i>retke</i>

Аналогичное положение наблюдается в номинативе соответствующих основ ливского языка:

(7')	'узел'	[<i>s^uoĩm</i>]
(8')	'три'	[<i>k^uoĩm</i>]

Конечно, наши сегодняшние знания о строении грамматики в познании человека не мешают нам утверждать, например, что *e*-основы группы (4) маркированы в том смысле, что они допускают правила (1) и (2) в номинативе, а также в том смысле, что они допускают синкопирование гласной *e* перед следующим за ней окончанием партитива и т. д. Все же нет необходимости искать положительное решение в спекуляциях такого рода; тем более что принятие такого решения заставляет нас признать слишком много *ad hoc* правил. Возможно более простое объяснение представленных явлений.

Для объяснения форм номинатива в группах (4) и (7) допустим, что исходная форма основы оканчивается не на *e*, а на согласную *j*, стоящую после другой согласной, и, следовательно, является односложной. Форма номинатива в группе (4) при этом оканчивается на сочетание согласных *tj*. Тогда можно сформулировать следующие правила:

(9)	$t \rightarrow s / - j \#$
(10)	$j \rightarrow i / C - \#$,

где *C* — любая согласная. Итак, вместо трансформаций (3) имеем

(11)	исходная форма	<i>verj</i>	<i>kätj</i>
	правило (9)	—	<i>käsj</i>
	правило (10)	<i>veri</i>	<i>käsi</i>

Для оправдания правила (10) достаточно сравнить аналогичную группе (4) группу

(12)		номинатив	партитив	генитив
	'кровь'	<i>veri</i>	<i>vert</i>	<i>vere</i>
	'огонь'	<i>tuli</i>	<i>tult</i>	<i>tule</i>

(их отличием, кроме применимости правила (9) к группе (4), является то, что *t* в основах группы (4) подчиняется правилу чередования смычных, ср. формы генитива) и группу

(13)		номинатив	партитив	генитив
	'брат'	<i>veli</i>	<i>velje</i>	<i>velje</i>
	'парус'	<i>puri</i>	<i>purje</i>	<i>purje</i>

Следует отметить, что партитив в группе (13) весьма характерен для двухсложных гласных основ: в окончании партитива (исходная форма /*ta*/) сперва выпадает начальная *t* — это общее явление для всех исходных /*ta*/, стоящих после гласной второго слога в конце слова, а потом по правилам апокопы в третьем слоге отпадает и конечная гласная *a*; т. е. поверхностной формой партитива служит фактически форма чистой основы. В номинативе этой же группы отмечается вокализация согласной *j* (ср. правило (10)), происходящая после апокопы конечной *e* во втором слоге, если первый слог является длинным; правило апокопы в этой позиции действительно для любой гласной, ср.

(14)		номинатив	партитив	генитив
	'письмо'	<i>kiri</i>	<i>kirja</i>	<i>kirja</i>
	'печь'	<i>ahi</i>	<i>ahju</i>	<i>ahju</i>

В то же время в партитиве основ групп (4) и (12), т. е. таких односложных основ, где конечной *j* предшествует лишь одна согласная, в отличие от двухсложных (ср. (13) и (14), а также от таких односложных основ, где конечный *j* предшествует более чем одна согласная (ср. (7)), по правилам апокопы отпадает лишь конечная гласная *a* окончания партитива. Кроме того, в партитиве этих групп применяется одно из двух правил, согласно которым *j* отпадает в конце основы, а именно

(15) $j \rightarrow \emptyset / C - C$.

Другое правило устраняет фонему *j* перед следующей эпентетической *e*:

(16) $j \rightarrow \emptyset / - + e$,

где $+ -$ морфологическая граница. Вследствие этого правила *j* не встречается в генитиве групп (4) и (12), а также в партитиве и генитиве группы (7). Правила эпентезы, несомненно, предшествуют в грамматике правилам (15) и (16).

2. Правила (9), (10), (15) и (16) одинаково удовлетворительно применимы для всех прибалтийско-финских языков (правило (16) в некоторых диалектах может быть заменено более простым). Эпентичность большинства из прибалтийско-финских *e* в конце основы была установлена самостоятельно разными исследователями с помощью различных методов уже ранее (Мак-Коли (McCawley 1964) для финских имен, Вийтсо (1966) для северновепских имен и глаголов, Ганшов (Ganschow 1971) для финских имен, а также для соответствующих саамских основ⁴; кроме того см. труды Вийка и Картунен (Wiik 1967; Karttunen 1970) о финском, Вийтсо (Viitso 1968, 1969) о вепском и эстонском языках). Новое здесь лишь то, что большинство именных односложных согласных основ оканчивается на *j*. В историческом плане это наблюдение можно распространить на большинство так наз. именных *e*-основ. Так, из основ группы (8) только для первой нет аргументов в пользу ее первичной принадлежности к *j*-основам; такие уникальные производные от нее, как эст. *kolmas* : *kolmanta*- 'третий', наоборот, намекают скорее на то, что дело имеется с первичной *a*-основой. Из основ группы (13) первая в

⁴ Ганшов впервые говорил об этом в докладе на Третьем международном конгрессе финно-угроведов в Таллине в 1970 г.

нескольких диалектах эстонского, водского и ижорского языков имеет *a*-овый (фонетически *ä*-овый) эквивалент; вторая же уникальна в том смысле, что другие прибалтийско-финские языки имеют не чистую основу, а еще и суффикс **-eh*.

3. Ради субъективности нельзя не упомянуть обвинение Т. Итконена (Т. Itkonen 1971: 8), выдвинутое против Анттилы. По Т. Итконену, разделение традиционного перехода **ti > si* на два правила оставляет без объяснения такие слова, как фин. *sinä* 'ты', *sika* 'свинья', *silta* 'мост', *morsian* 'невеста' и т. д. Хотя объяснение, представленное выше, прямо противоположно объяснению Анттилы, аргумент Т. Итконена тем не менее остается в силе. Нет необходимости только предполагать первичную **e* в первом слоге, например для балтийского заимствования *silta* вопреки литовскому *tiltas*, если вообще считать оба традиционных перехода **ti > si* связанными. В любом случае доказать одновременность появления *si* в *käsi* и в *silta* невозможно. Более того, это и не надо, хотя некоторые *si* в начале и даже внутри основы могут быть возведены к **tj* (Viitso 1972a: 95). Вообще в переходах **t > s* в начале слова много неясного. Во-первых, **t-* перешла в *s-* не только перед следующей *i*, ср. лив. *tabâr* : эст. *sapa* 'хвост'; лив. *tarâb* : эст. *sara* || 'пуш'орешина' (|| обозначает слабую границу между словами, составляющими сложное слово); лив. *tâibaz*, сев.-эст. *teivas* : южноэст. *saivas*, фин. *seiväs* 'шест'; лив. *tevâ* : эст. *sükav*, фин. *syvä* 'глубокий'. Во-вторых, даже при последующей *i* этот переход хаотичен, ср. эст. *tihe* : фин. *tiheä* 'густой'; эст. *tiip* : фин. *siipi* 'крыло'; эст. *'silt* : фин. *silta* 'мост', причем последняя основа, как уже отмечено, заимствована из балтийских языков.

4. Конечная *j* в прибалтийско-финских именах заставляет нас пересмотреть и правдоподобность конечной *e* в прафинно-угорских именных основах, которые традиционно устанавливаются на основе соответствия праприбалтийско-финская **-e* : прасаамская **-ě⁵* (саамН *-â*). Хотя, по видимому, в саамском, по крайней мере в норвежско-саамском, нет ничего заставляющего считать конечную **-ě* эпентетической (заметим, что Ганшов (Ganschow 1971) постулировал для финского и саамского языков согласные основы, исходя из соответствий их мордовским и марийским), там и нет явных препятствий такому решению в историческом плане. Более того, в склонении норвежско-саамских имен (ср. Е. Itkonen 1960: 41—45) можно обнаружить интересное явление, ср.

номинатив ед. ч. иллатив ед. ч. номинатив мн. ч.

(17)	'волос (на голове)'	<i>vuoktâ</i>	<i>vuktii</i>	<i>vuovtâk</i>
	'полотенце'	<i>sikkâldâk</i>	<i>sikkâldâkkii</i>	<i>sikkâldâgâk</i>
	'слеза'	<i>gânjâl</i>	<i>gâdnjâlii</i>	<i>gâdnjâlâk</i>
	'ложка'	<i>bâsti</i>	<i>bâstii</i>	<i>bâstik</i>
(18)	'стена'	<i>sæidne</i>	<i>sæid'nai</i>	<i>sæinek</i>
	'склон'	<i>luok'ka</i>	<i>luok'kai</i>	<i>luokkak</i>
(19)	'закол'	<i>buoðdo</i>	<i>büðdúi</i>	<i>buoðok</i>
	'чурбан'	<i>bel'ku</i>	<i>bel'kui</i>	<i>bêlkuk</i>
	'моложе'	<i>nuorâb</i>	<i>nuorâbui</i>	<i>nuorâbuk</i>

⁵ Традиционная реконструкция качества этой прасаамской гласной (**ä*) и некоторых других фонологически совсем не безупречна, если принять, что фонологическая транскрипция отражает прежде всего не фонетические качества основных аллофон фонем, а распределение фонем по рядам и сериям. На принятой основе можно традиционные подсистемы гласных — долгие **je æ a ω(ɑ)ol* и краткие **ji ä ö u/* — заменить соответственно подсистемами **ji e a o u/* и **ji ë ö ü/* (Viitso 1972a: 105). **ë* вместо **ä* постулировал уже Штейниц (Steinitz 1944: 106), но, наверно, на основе соответствий саамН *â* гласным других языков и особенно реконструированной Штейницем для прафинно-угорского **ë*.

Как видно, конечная гласная основы, устанавливаемая с помощью номинатива множественного числа, не изменяется перед алломорфой иллатива *-i* (во множественном числе алломорфами иллатива являются *-di* (в третьем и пятом слоге) и *-dâ* (в четвертом слоге)) только в *i*-, *a*- и *u*-основах. В *â*-, *e*- и *o*-основах она переходит соответственно в *i*, *a*, и *u*. Эти переходы могут, хотя и не должны быть свидетельством того, что 1) *i*- и *â*-основы (17), 2) *u*- и *o*-основы (18) и 3) *a*- и *e*-основы (19), попарно, имеют кое-что общее.

В свете прибалтийско-финских данных заманчиво было бы предположить, что *â*-основы происходят из *j*-основ, к которым присоединилась эпентетическая гласная по крайней мере в тех случаях, где основа теперь оканчивается на *â*; в иллативе единственного числа этих же основ эпентетической гласной нет и *i* перед алломорфой окончания иллатива является вокализованной конечной *j*.

Тогда, однако, следует аналогично объяснить и поведение *e*-основ: они происходят из *ш*-основ, к которым присоединилась эпентетическая гласная в тех же случаях, где и к *j*-основам, с тем различием, что в *ш*-основах там теперь наблюдается *o*; *u* перед алломорфой иллатива *-i* в *ш*-основах является вокализованной конечной *ш*.

Что касается перехода *e* в *a* перед алломорфой иллатива *-i*, то он, возможно, не имеет прямого отношения к рассматриваемой здесь проблематике. Возможно, здесь имеется дело с преломлением *e* в *ja* и с последующим устранением *j* или *i* ($i < j$) под каким-нибудь влиянием со стороны алломорфы иллатива.

Объяснение саамских явлений, данное здесь, конечно, спекулятивно. Важно лишь то, что норвежско-саамские данные допускают оба принципиально отличные друг от друга объяснения так наз. именных **e*-основ и, следовательно, пока ни о чем не свидетельствуют.

5. В. И. Лыткин (1964: 241—243; 1965; 1970) указывал на одно интересное явление в коми-зырянском языке: в ряде именных основ перед суффиксом, начинающимся с гласной, появляется *j*. Эти основы он отнес к прафинно-угорским **e*-основам. Кроме того, Лыткин (1970: 228—234) показал, что и удмуртская двойкая огласовка притяжательных суффиксов единственного числа и окончания творительного падежа — *ĭ*-овая, с одной, и *â*- ~ *e*-овая, с другой стороны, — теснейшим образом связана с появлением коми-зыр. *j* и с так наз. *e*-основами в прибалтийско-финских языках и *â*-основами в норвежско-саамском. Хотя нельзя недооценивать удмуртские данные, особо следует выделить чрезвычайную важность коми-зыр. *j*: на основе вышеприведенного можно сказать, что она является не рефлексом прафинно-угорской конечной **e*, устанавливаемой наиболее удобным способом на основе прибалтийско-финских и саамских данных, а единственным удостоверением реальности конечной *j*, которая была постулирована для прибалтийско-финских языков чисто теоретически с целью избежать осложнений, связанных с акцептированием взглядов о существовании именных *e*-основ. Кроме того, прибалтийско-финские и коми-зырянские варианты основ в определенной степени дополняют друг друга: в прибалтийско-финских языках вокализованная *j* встречается в конце слова, но не перед гласными, в коми-зырянском *j* встречается именно перед гласными, ср.

(20)	эстонский	коми-зырянский
'снег'	<i>lumi ~ lum-</i>	<i>lim ~ limj-</i>
'сажень'	<i>süli ~ sül-</i>	<i>siv ~ sijv-</i>

Что касается удмуртской *i*-овой огласовки притяжательных суффиксов и суффикса творительного падежа, то, хотя ее связь с конечной *j* несомненна, не вполне ясно ее происхождение. Можно лишь предполагать, что *i* является рефлексом эпентетической гласной, появившейся между *j* и согласным суффиксом, причем в дальнейшем *j* выпала, *ä* ~ *ε*-овая огласовка отражает конечную гласную основы.

6. В итоге вышесказанного деление прафинно-угорских именных основ на **a/*ä*-основы и **e*-основы можно считать неоправданным. Прибалтийско-финские и коми-зырянский языки показывают, что вместо **e*-основ следует допустить существование **j*-основ. Вероятно, не было таких согласных именных основ, которые не оканчивались бы на **j*.

Возникает вопрос, не являются ли и традиционные **-a/*-ä*, представляющие собой фонологически аллофоны гласной **-/a/*, эпентетическими. Ответ на этот вопрос, по-видимому, отрицателен. Во-первых имеются **a*-основы, где конечной гласной предшествует сочетание согласных, оканчивающееся на *j*. Во-вторых, нет никаких свидетельств того, что традиционные глагольные **e*-основы, являющиеся на основе прибалтийско-финских данных согласными (Вийтсо 1966: 15—16; Viitso 1968: 166—167, 169—170; 1969: 43; Wiik 1967: 27), оканчивались на **j*.

ЛИТЕРАТУРА

- Вийтсо Т.-Р. 1966, Описание плана выражения прионежского диалекта вепского языка, Тарту (автореферат канд. дисс.).
- Лыткин В. И. 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
- 1965, Некоторые вопросы вокализма второго слога финно-угорских языков. — CSIFU 1: 324—331.
- 1970, О вокализме непервого слога финно-угорских языков. — СФУ VI: 221—238.
- Anttila, R. 1969, Uusimman äännehistorian suunnasta ja luonteesta, [Turku]. (Turun yliopiston fonetiikan laitoksen julkaisuja 5).
- 1972, An Introduction to Historical and Comparative Linguistics, New York.
- Brasington, R. W. P. 1972, The Treatment of Exceptions in Phonology. — Lingua 29: 101—119.
- Campbell, L. 1971, Рец.: Historical Linguistics and Generative Grammar. By Robert D. King. — Language 47: 191—209.
- Ganschow, G. 1971, Zur Geschichte der finnisch-ugrischen Nominalstämme. — СФУ VII: 239—250.
- Halle, M. 1962, Phonology in Generative Grammar. — Word 18: 54—72. (Перепечатано в Fodor, J. J., Katz, J. J. (ред-ры) 1964, The Structure of Language. Readings in the Philosophy of Language, Englewood Cliffs, New Jersey, 334—352.)
- Itkonen, E. 1960, Lappische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und Wörterverzeichnis, Helsinki.
- Itkonen, T. 1971, Рец.: Historiallisen äänneopin uusia virtauksia. Raimo Anttila, Uusimman äännehistorian suunnasta ja luonteesta Turun yliopiston fonetiikan laitoksen julkaisuja n:o 5. Elokuu 1969. — Vir. 75: 237—238.
- Karttunen, F. 1970, Problems in Finnish Phonology, Department of Linguistics, Indiana University (докт. дисс., рукоп.).
- McCawley, J. D. 1964, The Morphophonemics of the Finnish Noun, Mechanical Translation Group, Research Laboratory of Electronics, Massachusetts Institute of Technology (рукоп.).
- Steinitz, W. 1944, Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Stockholm.
- Viitso, T.-R. 1968, Äänisvepsa murde väljendustasandi kirjeldus. — Keele Modelleerimise Probleeme 2, Tartu (TRUT 218), 3—296.
- 1969, Principles of Word Inflection in Estonian. — Annual Meeting of the Research Group for Generative Grammar 1969. Abstracts, Tartu, 36—47.
- 1971, On *i:e* Alternations in Estonian. — Annual Meeting of the Research Group for Generative Grammar 1971. Abstracts, Tartu, 49—56.
- 1972a, Mõtteid uurali fonoloogiast. — Keel ja Struktuur 6, Tartu, 87—128.
- 1972b, Vaheldus *e:i* eesti keeles. — Keel ja Struktuur 7, Tartu, 39—52.
- Wiik, K. 1967, Suomen kielen morfofonemiikkaa, [Turku] (Turun yliopiston fonetiikan laitoksen julkaisuja 3).

TIIT-REIN VIITSO (Tartu)

ON SOME FINNIC PHONOLOGICAL RULES
AND THE PROTO-FINNO-UGRIC NOMINAL *e-STEMS

In order to avoid the complications connected with the acceptance of the traditional view of the change *ti > *si* in Finnic nominal *e*-stems the rules

$$\begin{aligned} t &\rightarrow s / -j \# \\ j &\rightarrow i / C - \# \end{aligned}$$

are postulated for Estonian. The stem-final *e* in certain case-forms is considered to be epenthetic. The rules are valid for other Finnic languages as well. The fact that the stem-final *e* is epenthetic in most Finnish, Northern Veps and Estonian nominal and verbal *e*-stems has been demonstrated earlier by McCawley, Viitso, Wiik, Ganschow and Karttunen. The new feature here is that the nominal stems end in *j*.

As the correspondence of Proto-Finnic *e: Proto-Lapp *ë (traditionally **-ä*), Norwegian Lapp *-ä* has served as the basis for a reconstruction of the Proto-Finno-Ugric stem-final *e, the applicability of the stem-final *j* has been checked up for the Norwegian Lapp nominal *ä*-stems. It appears that the Norwegian Lapp *ä*-stems can likewise be considered to be *j*-stems, but only if the Norwegian Lapp *o*-stems are regarded as *w*-stems. Hence the Norwegian Lapp data can serve neither as an argument for nor as an argument against the traditional point of view.

Lytkin has repeatedly drawn attention to the fact that in Ziryen Komi a number of nominal stems corresponding to the Proto-Finno-Ugric *e-stems have a *j* before suffixes beginning with a vowel. The Ziryen Komi *j* can be viewed as the proof of the reality of the stem-final *j* postulated for Finnic.

Hence the Finnic and Ziryen Komi data suggest that the Proto-Finno-Ugric nominal *e-stems are actually *j-stems. The same cannot be asserted in respect to the verbal *e-stems despite their being, on the basis of Finnic data, actually consonantal stems.